

УДК 339.27

АМЕРИКАНО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ТРУДНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

© 2012 г. **М.Г. Носов***
Институт Европы РАН, Москва

Принятие Японии в клуб великих держав, с одной стороны, вело к нарастанию противоречий между Вашингтоном и Токио, с другой стороны, поведение Японии в глобальной политике в целом и в отношениях с США в частности во многом определялось политическими императивами, присущими её новому статусу. Эта двойственность отразилась и на конфликте интересов двух стран во время интервенции на Дальнем Востоке, и в столкновении их позиций в ходе Вашингтонской конференции. Принятый в США в 1924 г. закон «О высылке азиатов» вызвал в Японии рост антиамериканских и милитаристских настроений, что в немалой степени способствовало нарастанию напряжённости в двусторонних отношениях.

Ключевые слова: США, Япония, Россия, интервенция, расизм, Вашингтонская конференция.

В марте 1921 г. президент Вильсон покинул Белый дом, куда въехал победивший на выборах республиканец Уоррен Гардинг, а в ноябре того же года в Японии регентом при недееспособном императоре стал 21-летний принц Хирохито, сын императора Тайсё и внук императора Мэйдзи. После окончания Первой мировой войны отношения между США и Японией характеризовались как стремлением Токио к равноправию и согласием с американской политикой сокращения вооружений, так и с нарастанием противоречий по расовому вопросу и постоянной борьбой за влияние в Китае. Обострению американо-японских отношений в этот период способствовали и разногласия в вопросе об интервенции США и Японии на российском Дальнем Востоке, которая была завершена лишь в 1922 г. На смену ей пришло вторжение японских войск в Китай в мае 1927 г., что окончательно подтвердило противоречия Вашингтона и Токио по поводу политики «открытых дверей» в отношении Китая и отказа от договорённостей, достигнутых в ходе Вашингтонской конференции 1922 года.

* **НОСОВ Михаил Григорьевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЕРАН. E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Статья шестая. Предыдущие статьи цикла см.: США ♦ Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 1, 2, 7, 11; 2012. № 4. – *Ред.*

Парижская конференция, на которой были подведены итоги Первой мировой войны, оставила за скобками вопрос о начавшейся в 1918 г. интервенции на российском Дальнем Востоке. Выход России из войны после Брестского мира привёл к новому ухудшению отношений между Японией и США. Угроза заключения сепаратного договора между Германией и Россией оголяла Восточный фронт, что могло сказаться на исходе войны. Беспокойство европейцев вызывало и распространение русской революции на другие страны. Начавшиеся в декабре 1917 г. в Брест-Литовске, переговоры между Россией и Германией серьёзно обеспокоили страны Антанты, которые опасались возможности немецкого контроля над Транссибом, служившим в годы войны артерией для переброски военного снаряжения с Дальнего Востока на Восточный фронт*. Париж и Лондон считали, что две тихоокеанские державы – Япония и США должны восстановить контроль союзников над Владивостоком и Транссибом.

После официального выхода России из войны в марте 1918 г. страны Антанты усилили давление на Японию и США, требуя от них вмешаться в сложившуюся на российском Дальнем Востоке обстановку и послать туда войска. Отношение к этому предложению и оценка событий в России как Вашингтоном, так и Токио были диаметрально противоположны.

Президент Вильсон считал, что вмешательство во внутренние дела России недопустимо, о чём он сказал, выступая в Конгрессе 8 января 1918 г., перечислив свои знаменитые 14 пунктов послевоенного урегулирования. Его «программу мира» можно называть наивной и утопической, но в ней отражалось его видение мира и понимание ситуации на тот момент времени. Говоря о необходимости дать России возможность «самостоятельно определить направление своего политического развития и национальной политики», Вильсон отметил: «Отношение к России со стороны родственных ей государств в предстоящие месяцы явится серьёзным испытанием их доброй воли, понимания ими её нужд, а не собственных интересов, их бескорыстного сочувствия к ней» [2, с. 190].

«Бескорыстие» Вильсона, помимо его либеральных убеждений, основывалось и на том, что развал России означал бы усиление влияния Японии на Дальнем Востоке, а японцам президент США не слишком доверял после споров между Токио и Вашингтоном по китайскому вопросу. Что касается Японии, то она начала планировать оккупацию Дальнего Востока с момента начала революции в России. К плану оккупации Приморья японский генштаб приступил уже в середине ноября 1917 г. С помощью интервенции Япония рассчитывала решить несколько задач [14, р. 329-333].

Во-первых, необходимо было повысить свой статус в глазах союзников по Первой мировой войне. К этому времени к Англии и Франции, уже четыре года сражавшимся с Германией, присоединились США. Япония, участвовавшая в войне с самого начала, но кроме захвата оккупированного немцами Циндао и принадлежащих Германии островов в Тихом океане, посылки небольшой эскад-

* К октябрю 1917 г. во Владивостоке скопилось свыше 600 тыс. т военных грузов [23, р. 105].

ры в Средиземное море^{*}, никаких особых заслуг в войне не имела. Не слишком опасная и, с первого взгляда, не очень затратная экспедиция на Дальний Восток могла способствовать завоеванию столь желанного статуса великой державы. Интервенция на Дальнем Востоке, по мнению японских политиков, повышала шансы Японии на послевоенных переговорах о новом разделе мира.

Во-вторых, Октябрьская революция в России создавала вакуум на Дальнем Востоке и давала Японии шанс на расширение своих позиций в Китае за счёт России. Япония рассчитывала создать в Приморье и Сибири марионеточное государство, лояльное Токио. Это было выгодно экономически, поскольку открывало доступ к сырьевым богатствам региона.

В-третьих, Япония устраняла потенциальную военную угрозу со стороны России и создавала дополнительный плацдарм для ведения военных действий на Дальнем Востоке.

В-четвёртых, усиление японского влияния на Дальнем Востоке ослабляло российские позиции в Китае. Исход революции в России и её последствия для страны и системы международных отношений в то время были далеко не ясны, и Япония спешила воспользоваться ситуацией, когда США и Антанта были заняты в Европе, а революция в России ослабляла её способность реагировать на внешние угрозы.

В-пятых, японские намерения в чём-то совпадали с целями союзников: во Владивостоке были сосредоточены требовавшие охраны военные грузы, которые американцы через Транссиб перебрасывали на Западный фронт. В Сибири находился 50-тысячный чехословацкий корпус; союзники вначале хотели через Владивосток перебросить его на европейский театр боевых действий, а после 7 ноября 1917 г. было принято решение использовать корпус для борьбы с новой властью в России^{**}.

И, наконец, в-шестых, Япония раньше многих других стран оценила значение глобального распространения коммунистических идей и рассчитывала с помощью интервенции создать определённого рода буферную зону, препятствующую их продвижению.

^{*} В марте 1917 г. Япония направила в Средиземное море эскадру в составе одного крейсера и восьми эсминцев, которая базировалась на Мальте и участвовала в конвоях между Египтом и портами Франции и Италии. Один из эсминцев был торпедирован, в результате чего погибло 59 японских моряков. В 1918 г. Япония направила крейсер в Индийский океан для участия в конвоях между Сингапуром и Суэцким каналом. После окончания войны японцы получили в качестве контрибуции семь немецких подлодок.

^{**} Насчитывавший от 40 до 50 тыс. человек чехословацкий корпус состоял из чехов и словаков, отказавшихся сражаться на стороне Австро-Венгрии и сдавшихся в плен на Восточном фронте. После того как правительство России в марте 1918 г. разрешило корпусу эвакуироваться из Сибири через Владивосток, эшелоны начали двигаться на восток по Транссибу. В конце мая того же года корпус, отвергнув требование сдать оружие, поднял мятеж и присоединился к армии Колчака. После разгрома колчаковской армии чехословаки через Владивосток вернулись на родину. Живший в России и стремящийся использовать любую возможность для создания независимой Чехословакии её будущий президент Томаш Масарик писал в конце 1917 г.: «Я подумывал о войне против большевиков» и отмечал, что «была только одна возможность борьбы против большевиков и против немцев – мобилизация японцев» [4, с. 427].

Страны Антанты хорошо понимали намерения Токио и считали, что действия Японии должны находиться под американским контролем. 27 февраля 1918 г. английский посол в Вашингтоне Руфус Ридинг встретился с президентом Вильсоном и передал ему телеграмму министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура, где содержался призыв к американцам «принять участие в оккупации Сибирской железной дороги вплоть до Омска», поскольку в случае их отказа Япония будет действовать в одиночку и «без тех ограничений, которые мог бы на неё накладывать союзнический мандат» [20, vol. 46, p. 470–472]. Первой реакцией госсекретаря США Роберта Лансинга была резкая критика этого предложения, которое он назвал «шагом на пути установления англо-японского контроля над Россией» [9, p. 335]. Однако администрация Вильсона приняла решение сотрудничать с союзниками по Антанте в этом вопросе, и по согласованию с Вашингтоном французский генерал Пьер-Морис Жанен был назначен командующим союзными войсками на Дальнем Востоке и в Сибири, включая чехословацкий корпус.

В феврале 1918 г. японское правительство потребовало от России «немедленно восстановить порядок в Сибири», а в марте Япония подписала соглашение с Китаем о совместном военном сотрудничестве. Стремясь придать интервенции законный порядок, японцы начали переговоры со странами Антанты, добиваясь от них одобрения своей политики. С точки зрения Токио, санкция союзников укрепляла позиции Японии на мирной конференции по итогам Первой мировой войны. В июне 1918 г. Англия, Франция и Италия одобрили действия Японии, однако оговорили своё согласие рядом условий. Япония не имела права вмешиваться во внутренние дела России; она должна была уважать её территориальную целостность и, кроме того, «послать свои войска так далеко на Запад, чтобы дать им возможность противостоять германским вооружённым силам» [11, p. 115].

После вступления в Первую мировую войну американцы не спешили брать на себя новые военные обязательства. С декабря 1917 г. до лета 1918 г. между Вашингтоном и Токио шла оживлённая переписка с целью выработать политику в отношении России. Администрация США шесть раз отвергала просьбы союзников и Японии об участии американских войск в интервенции. Лишь в июле 1918 г. президент Вильсон дал согласие на совместную с Японией высадку на Дальнем Востоке. Численность военной группировки была определена в 7 тыс. человек с каждой стороны. Это решение было продиктовано осознанием того, что Япония с согласия американцев или без него неизбежно начала бы полномасштабную интервенцию. Тем более, что, не дожидаясь американцев, Япония уже 5 апреля 1918 г. высадила во Владивостоке десант под предлогом принятия «мер по ограждению интересов японцев, проживающих на русском Дальнем Востоке»^{*}.

^{*} Интересно, что против совместных действий с Японией выступил будущий первый посол США в СССР Уильям Буллит, тогда служивший в Госдепартаменте. Он считал, что большевики для Америки – меньшее зло, чем японцы, поскольку «высадка американцев во Владивостоке в конечном итоге приведёт к тому, что немцы будут контролировать европейскую часть России, а японцы – Сибирь» [13, p. 85].

Парад союзников во Владивостоке 1918 году

Целями совместной американско-японской акции, с точки зрения американского президента, были «помощь чехословацкому корпусу»^{*} и «охрана военных складов союзников во Владивостоке». При этом в письме, которое президент направил в Токио, говорилось: «США немедленно отзовут свои войска в случае, если действия экспедиционного корпуса выйдут за рамки поставленных мною целей» [20, vol. 48, p. 624-627]. 16 июля Вильсон согласился с настойчивым японским требованием о том, чтобы командовать экспедиционным корпусом был назначен японский офицер [11, p. 126].

Однако, несмотря на все принятые решения, по признанию американского командующего экспедиционным корпусом генерала Уильяма Грейвса, американские и японские войска не сотрудничали в ходе интервенции [10, p. XIV].

Заявление об американской интервенции на Дальнем Востоке появилось 4 августа 1918 г.; повод был абсолютно надуманным. Как говорилось в документе, «военные действия в России можно предпринимать в настоящее время лишь с тем, чтобы предоставить защиту и посильную помощь чехословакам, подвергающимся нападениям со стороны вооружённых австрийских и германских военнопленных» [8, 1918, vol. II, p. 328-329].

^{*} По мнению Дж. Кеннана, одним из мотивов принятия решения об интервенции была «симпатия президента к идее независимой Чехословакии» и известия о мятеже чехословацкого корпуса [12, p. 395]. Ещё в январе 1918 г. президент Вильсон призвал Австро-Венгрию дать независимость Чехословакии, а в мае того же года госсекретарь Лансинг солидаризировался с чехословацким движением. В июне 1918 г. независимость Чехословакии была признана странами Антанты.

Всё сказанное администрацией свидетельствовало о том, что принимаемое решение шло вразрез с политическими убеждениями Вильсона и отражало стремление его кабинета ограничить масштабы интервенции. Об этом говорилось в заявлении: «США обратились к правительству Японии с предложением, чтобы оба правительства отправили во Владивосток военные части численностью в несколько тысяч человек, которые сотрудничали бы и действовали заодно при оккупации Владивостока и, в случае надобности, защищали бы тыл движущихся на запад чехословаков» [8, 1918, vol. II, p. 328-329].

В середине августа 1918 г. американцы перебросили во Владивосток 7 тыс. солдат с Филиппин*. В своём обращении к русскому народу после принятия решения об интервенции Вильсон заверил, что ни одно из государств не планирует ни в какой форме вмешиваться в политический суверенитет России, в её внутренние дела или совершать действия, направленные на ущемление её территориальной целостности. Ни сейчас, ни в будущем» [12, p. 482-485].

Отношение Японии и США к оккупации российского Дальнего Востока было различным. Для Токио это был шанс, как минимум, укрепить своё влияние в регионе, как максимум, создать в Приморье марионеточное государство, полностью зависимое от Японии. Кроме того, в японской политике немалую роль играло стремление ограничить влияние идей русской революции на Японию. Для Вильсона участие в интервенции вначале диктовалось, прежде всего, долгом перед союзниками в Первой мировой войне. С ходом интервенции для США возникла необходимость ограничить масштабы японской агрессии, которая всё больше грозила перерасти в укрепление позиций Японии не только в Приморье, но и в Китае, чего Вашингтон хотел меньше всего. События в России для американского президента после ноября 1917 г. воспринимались сквозь призму падения царизма и стремлением дать шанс развитию демократии, воплощением которой для Вильсона было Временное правительство**.

США переоценили свою возможность контролировать действия Японии. Японцы отнюдь не собирались соблюдать договоренности с Вашингтоном. Они и не думали оказывать помощь чехословацкому корпусу. Японское правительство приняло решение направить одну дивизию в Приморье и ещё одну – в Сибирь. В дальнейшем генеральным штабом Японии было решено увеличивать численность войск «исходя из сложившихся обстоятельств». В приказе, который был дан направленной во Владивосток 12-й дивизии, прямо говорилось, что «действия по оказанию помощи чехословакам не являются целью операции, а использованы в качестве её “оправдания” из-за озабоченности правительства отношениями с другими странами» [11, с. 123].

Оккупировав российский Дальний Восток, Япония отказывалась поддерживать действия адмирала Колчака, который возглавлял белое движение в восточной части России и пытался объединить антибольшевистские силы в

* Американская интервенция на Дальнем Востоке продолжалась до апреля–мая 1920 г., а с острова Русский, где находилась радиостанция, американцы ушли в ноябре 1922 года.

** Хотя это и скрывалось от средств массовой информации США, после октября 1919 г. и до конца своего президентского срока в 1921 г. Вильсон, перенесший тяжёлый инсульт, в деятельности администрации практически не участвовал.

Маньчжурии. Токио не был заинтересован в усилении российского влияния на Дальнем Востоке и откровенно поддерживал свою марионетку, атамана Семёнова, который выступал как против большевиков, так и против Колчака.

Активность Японии вызывала беспокойство американцев. 26 августа 1918 г. американский консул во Владивостоке докладывал в Госдепартамент: «Японские солдаты в количестве 18 тыс. уже высадились во Владивостоке, 6 тыс. продвинулись через Чанчунь на Маньчжурский фронт. Японцы заправляют всюду, где только возможно, положение критическое» [8, 1918, Russia, vol. II, p. 328-329].

Численность посланных на Дальний Восток японских солдат быстро достигла 72 тыс., что в десять раз превышало лимиты, предложенные американцами. Нарушение японцами предварительной договорённости о величине экспедиционного контингента вызвало раздражение президента Вильсона. В январе 1919 г. в письме к известному американскому юристу и одному из авторов Устава Лиги Наций Дэвиду Хантеру он писал, что «перестал доверять японцам, считая их воплощением антитезы его либеральному интернационализму» [20, vol. 54, p. 379].

9 января 1920 г. США объявили о выводе своих войск с российского Дальнего Востока и потребовали, чтобы Япония последовала их примеру. Первой реакцией японцев был отказ, но США открыто заявили, что они категорически против захвата японцами Транссиба. Премьер-министр Хара Такаси был готов согласиться с американским требованием, но в марте 1920 г. произошёл так называемый Николаевский инцидент, в результате которого погибло 122 японца*. В ответ Япония увеличила свой оккупационный контингент в Приморье и захватила северную часть Сахалина. Уступив милитаристам, кабинет Хары столкнулся с серьёзными финансовыми проблемами, поскольку расширение интервенции требовало всё новых расходов и новых жертв, так как в Приморье ширилось партизанское движение.

31 мая 1921 г. Госдепартамент США вручил японскому послу в Вашингтоне ноту, в которой напоминалось, что вслед за выводом американских войск с российского Дальнего Востока должен последовать вывод японских войск, «если и не немедленно, то в течение разумного времени». Администрация подчёркивала, что «правительство Соединённых Штатов ни сейчас, ни позже не признает законными никакие притязания или права, вытекающие из нынешней оккупации и осуществления контроля, и не пойдёт на уступки в признании правомочности действий японского правительства, направленных на ущемление существующих договорных прав или политической и территориальной целостности России» [8, 1921, vol. II, p. 704].

В очередном меморандуме, вручённом 3 июня 1921 г. посольству Японии в США, содержалась ссылка на заявление японского правительства от августа 1918 г., в котором оно «обещало уважать территориальную целостность России и воздерживаться от любых вмешательств в её внутренние дела, а также за-

* В марте 1920 г. в результате действий Красного партизанского отряда Николаевск-на-Амуре был почти полностью сожжён, а японский гарнизон уничтожен.

веряло, что после решения задач помощи чехословакам все японские войска будут выведены с территории России, сохраняя её как политический, так и военный суверенитет» [8, 1921, vol. II, p. 703-705].

В августе 1921 г. японцы начали переговоры с правительством Дальневосточной республики в Дайрене*. Они продолжались до апреля 1922 г. и закончились решением о выводе японских войск из Приморья, однако Токио настаивал на сохранении японской оккупации северного Сахалина.

Президентство У. Гардинга началось в достаточно сложных условиях. 2 июля 1921 г. Конгресс официально объявил об окончании Первой мировой войны, из которой США, с одной стороны, вышли как мировой кредитор и крупнейшая финансовая держава, а с другой – как страна, столкнувшаяся с серьёзным экономическим и идеологическим кризисом. Отсутствие военных контрактов привело к резкому сокращению промышленного производства и росту безработицы. Американцы, вернувшиеся с фронтов, не могли найти своего места в жизни и чувствовали глубокое разочарование из-за краха тех идеалов, которые определяли их участие в войне в Европе. Они считали, что участие страны в мировой войне было трагической ошибкой. «Потерянное поколение» в 1920-е и 1930-е годы стало темой книг Эрнеста Хемингуэя, Джона Дос Пассоса, Скотта Фицджеральда. В их произведениях отразились судьбы американцев в послевоенный период. Отсюда доминирование политического изоляционизма, который определял американскую политику в период между мировыми войнами, и попытки снизить потенциал гонки вооружений, что касалось, в первую очередь, ограничения морских вооружений.

Экономическая и социальная ситуация в Японии развивалась примерно по американскому сценарию. Страна формально вышла победителем из войны, встала в один ряд с мировыми державами, смогла расширить свою территорию и укрепить влияние в Китае. В годы войны японская промышленность и внешняя торговля росли быстрыми темпами. Валовая стоимость промышленного производства с 1914 по 1920 г. выросла с 2,13 млрд. до 7,5 млрд. иен [18, p. 80].

В то же время экономика Японии испытывала серьёзные трудности. Быстрый экономический рост сопровождался инфляцией и повышением стоимости жизни. В 1917 г. США ввели эмбарго на экспорт золота, что серьёзно сократило приток денег в Японию, поскольку значительная часть доходов японских экспортёров оставалась в Соединённых Штатах. Это вело к росту денежной эмиссии, инфляции и всё большего социального расслоения, кульминацией чего стали рисовые бунты в 1918 г., которые охватили более 40 префектур Японии. Закончившаяся провалом японская интервенция на российском Дальнем Востоке, повлёкшая за собой огромные расходы, тоже не способствовала финансовой стабильности Японии. Немалую роль в этом сыграл и экономический спад в США, поскольку он привёл к значительному сокращению импорта японского шёлка, составлявшего около трети всего экспорта в Соединённые

* В апреле 1920 г. на территории Дальнего Востока была создана Дальневосточная Республика, которая открывала легальный канал для переговоров, как с Японией, так и с США, отказывавшихся признавать правительство Ленина.

Штаты. Спад экономики вызывал рост социальных противоречий и внутривнутриполитическую нестабильность.

И для США, и для Японии желание экономического взаимодействия на некоторое время оттеснило на задний план их расхождения по вопросам политики в отношении Китая и России, а также по проблемам антияпонских выступлений в Калифорнии. Обе страны оказались готовыми координировать свою политику в рамках поиска выхода из послевоенной рецессии, что не могло не отразиться и на попытках урегулирования политических отношений между ними, кульминацией которых стала Вашингтонская конференция 1921–1922 годов.

Подготовка к конференции началась ещё в президентство Вильсона. После окончания Первой мировой войны военный бюджет США был резко сокращён, а в марте 1920 г. Сенат не ратифицировал Версальский договор, что означало отказ Соединённых Штатов стать членом Лиги Наций. Эти решения определялись, с одной стороны, экономическими соображениями, связанными с выплатой накопившихся во время войны долгов и экономической рецессией, а с другой – стремлением изолировать страну от участия в будущих войнах. Несмотря на то, что детище Вильсона Лига Наций не была принята американским политическим истеблишментом, а он сам уже наметил покинуть Белый дом, проблемы безопасности США в Тихоокеанском регионе решались им, исходя из собственных политических предпочтений. Конференция, созванная по инициативе Вашингтона (ноябрь 1921 г.), должна была стать площадкой, на которой государства обязались добровольно выработать правила политического и военного поведения.

Делегацию США на конференции возглавлял госсекретарь уже новой администрации Гардинга Ч. Хьюз, японскую – назначенный в день открытия конференции на пост министра военно-морских сил адмирал Като Томасабуро*. Кроме Японии и США во встрече приняло участие ещё семь стран. Конференция была призвана обсудить вопросы сокращения морских вооружений и проблемы Дальнего Востока и Тихого океана.

Было очевидно, что в ходе подготовки к Вашингтонской конференции Токио учитывал все те сложности японо-американских отношений, которые возникли в период Первой мировой войны и в ходе Парижской конференции. В инструкциях, которые были даны японской делегации, говорилось: «Поскольку сохранение дружеских и спокойных отношений с Соединёнными Штатами есть именно то, чего стремится достичь Япония, делегаты должны прилагать все усилия для установления с американцами тесных взаимоотношений». Делегации было рекомендовано «не доводить дело до такой ситуации, когда прошлые действия Японии и её политика могли бы подвергнуться критике» [17, р. 360].

* В Вашингтонской конференции неофициально принимала участие и делегация Дальневосточной республики во главе с бывшим обер-прокурором Священного синода во Временном правительстве И.Н. Львовым. Она была направлена в Вашингтон и финансировалась Наркоматом иностранных дел РСФСР. Делегацию принял госсекретарь США; он обещал добиваться от Японии вывода войск из Приморья, но допустить делегатов на конференцию категорически отказался [3, с. 19–20].

Вашингтонская конференция 1921 года

Для США важнейшей задачей являлось сдерживание японского политического, военного и экономического влияния в регионе. Этим задачам отвечало стремление Вашингтона прекратить действие англо-японского союза и установить ограничения на военно-морское строительство. Американская дипломатия видела свою цель в смягчении напряжённых отношений с Токио, что в конечном итоге могло бы усилить позиции США на Дальнем Востоке и, прежде всего, в Китае.

Если Парижская конференция была посвящена глобальным проблемам будущего мироустройства, то на Вашингтонской встрече обсуждались исключительно тихоокеанские проблемы, что, с одной стороны, несомненно, льстило Японии, поскольку подчёркивало её растущую роль в мире, но с другой – Токио терял политическую инициативу, так как конференция созывалась по желанию президента Гардинга.

13 декабря 1921 г. был заключён так называемый Договор четырёх, подписанный США, Англией, Францией и Японией. Его целью служило сохранение статус-кво в Тихоокеанском регионе на основе отказа от новых территориальных приобретений там и проведения взаимных консультаций в случае возникновения конфликтов по вопросам территориальных владений. Новое соглашение фактически заменяло и упраздняло англо-японский договор 1902 г., который формально потерял свою силу в 1923 г. Под американским давлением Япония была вынуждена вернуть Китаю Циндао и Шаньдунский полуостров, сохранив там ряд экономических привилегий. Однако китайской делегации не удалось добиться отмены обязательств, данных Японии в соответствии с принятым в 1915 г. «21 требованием», поскольку Токио настаивал на том, что этот документ подписан и ратифицирован согласно с законами обеих стран. Япония отказалась вернуть Дайрен и Порт-Артур на Ляодунском полуострове.

В переговорах о сокращении морских вооружений участвовали Великобритания, США, Япония, Франция и Италия. 6 февраля 1922 г. переговорщики подписали документ, согласно которому тоннаж крупных боевых кораблей водоизмещением более 10 тыс. т ВМС США, Великобритании, Японии, Франции и Италии должен был находиться в пропорции 5–5–3–1,67–1,67. Обсуждение вопроса об ограничении морских вооружений инициировал госсекретарь США Ч. Хьюз, предложивший отправить в металлолом принадлежащие великим державам линейные корабли общим водоизмещением 1,9 млн. т. В итоге было принято решение списать 26 американских, 24 английских и 16 японских уже построенных или строящихся кораблей. Участники конференции согласились на десять лет отказаться от программ строительства крупных военных кораблей и строительства укреплений и военно-морских баз в восточной части Тихого океана. По требованию США было принято решение о том, что ни одна из стран не будет иметь корабли водоизмещением более 35 тыс. т, что объяснялось тем, что открытый в 1914 г. Панамский канал не мог пропускать суда большего тоннажа.

По условиям договора США могли иметь 18 линейных кораблей общим водоизмещением 525 850 т, Великобритания – 20 кораблей (558 950 т), Япония – 10 кораблей (301 320 т) [1, с. 141]. В то же время решения Вашингтонской конференции не слишком ущемляли интересы японского флота. В отличие от США и Великобритании, флот которых оперировал по всему миру, японские корабли базировались только в Тихом океане. При этом, хотя руководство японского флота выступало против любых ограничений на строительство боевых кораблей, экономическая рецессия японской экономики в 1921 г. диктовала введение финансовых рамок, что совпадало с мировой тенденцией к сокращению военных бюджетов*.

Вероятно, подписывая эти важные и юридически безупречные документы, участники Вашингтонской конференции рассчитывали на создание прочной системы безопасности в Тихоокеанском регионе на долгие годы. Однако, как уже отмечалось выше, экономические и политические интересы Вашингтона и Токио в Тихом океане кардинально расходились. Япония стремилась укрепить свои позиции в регионе и рассматривала политическую нестабильность Китая как повод для вмешательства. Соединённые Штаты, осознавая те географические преимущества, которые имел Токио в Азии, настаивали на политике «открытых дверей» в Китае. Кроме всего прочего, выполнению гарантий «независимости» Китая не слишком способствовала политическая ситуация в стране, которая складывалась там в первой половине XX века. Участие европейских стран, США и Японии в подавлении Боксёрского (Ихэтуаньского) восстания в 1900 г. привело к дальнейшей колонизации Китая Западом и Японией и процессу распада централизованной власти в стране.

Итоги Вашингтонской конференции не рассматривались в Японии как дипломатический успех, поскольку на этой встрече, по словам историка Рояма

* В 1921 г. Япония тратила на военно-морское строительство 32% своего бюджета [5, с. 59].

Масамити, японцы не смогли «заставить американцев мягче отнестись к позиции Японии на Дальнем Востоке» [19, р. 33]. Вашингтонский договор действовал до того момента, когда в середине 1930-х годов японцы поставили вопрос о пересмотре квот на тоннаж ВМС. После того как Японии было отказано в этом, она уведомила стороны о намерении выйти из соглашения, которое юридически истекало в конце 1936 года.

В августе 1923 г. скоропостижно скончался президент Гардинг, позже названный худшим президентом за всю историю США, что было связано с коррупционными скандалами, вскрытыми после его смерти. Президентом стал вице-президент Кальвин Кулидж, сохранивший консервативную и изоляционистскую внешнюю политику своего предшественника. Расистские взгляды нового президента были изложены в опубликованном за год до этого эссе, в котором он восхвалял превосходство нордических рас, заявляя, что «дети от смешанных браков рождаются дегенератами» [6, р. 282-283]. В Америке вошли в моду работы по евгенике, трактующие с расистских позиций необходимость сохранения чистоты белой расы. Проводником этой точки зрения выступала печать, контролируемая газетным концерном Уильяма Рэндольфа Хёрста. С другой стороны, против обострения отношений с Японией выступал госсекретарь Хьюз и те промышленные и банковские круги, которые считали, что как с политической, так и с экономической точек зрения хорошие отношения с Токио необходимы Америке.

В своём послании Конгрессу 6 декабря 1923 г. президент Кулидж заявил: «Америка должна остаться страной для американцев, поэтому необходимо продолжать политику ограничения иммиграции» [21, р. 2651], что вполне соответствовало росту ксенофобских настроений в стране, где многие считали, что рост эмиграции в США из Азии и стран Восточной Европы увеличивает число безработных и снижает уровень жизни американских рабочих и фермеров. За ограничение притока переселенцев из Европы выступали восточные штаты, против приезда в США азиатов – штаты Западного побережья. Что же касается переселенцев из Азии, то в 1880-х годах США приняли ряд законов, которые поначалу ограничивали число китайских эмигрантов, а затем фактически запретили их въезд.

Отношения между США и Японией вновь обострились после принятия Конгрессом в мае 1924 г. закона «Об иммиграции». И для США, и для Японии вопрос о японской иммиграции оказался весьма чувствительным. Особенно решительно выступали против японских переселенцев жители Калифорнии.

Когда Соединённые Штаты аннексировали Гавайи, японцы, жившие на островах, стали получать американское гражданство, и их приток в Калифорнию и на Западное побережье США начал быстро расти. С 1900 по 1920 г. численность японцев, проживающих в США, выросла с 24 тыс. до 111 тыс. человек, из которых 85% осели в Тихоокеанских штатах. При этом на японцев приходилось 0,1% населения США и 1,7% населения Тихоокеанских штатов. В Калифорнии японцы составляли всего 2,1% населения штата [6, р. 115].

Тем не менее, японцы, населявшие Западное побережье, становились всё заметнее на фоне тогда не слишком густо заселённого региона. Их способность

быстро адаптироваться к местным условиям и хорошо работать, закрытость общины приводили к постоянным конфликтам с местными властями, которые начали видеть в них конкурентов, что в первую очередь относилось к сельскому хозяйству и сфере услуг.

Следует отметить, что действия властей Калифорнии шли вразрез с позицией президентов США. И Теодор Рузвельт, и Вудро Вильсон неоднократно пытались предотвратить введение штатом дискриминационных законов, однако их попытки оказались безуспешными, и Калифорния продолжала принимать законы, напрямую направленные на дискриминацию японской иммиграции и против пребывания японцев в этом штате. Последним из этих стал закон 1921 г., ограничивающий право японцев на владение землёй.

Единственное, чего удалось достичь федеральным властям в борьбе с властями Калифорнии, было подписание в 1907 г. ряда так называемых джентльменских соглашений, направленных на ограничение японской иммиграции. Япония обещала не выдавать паспорта потенциальным иммигрантам, направляющимся в США в поисках работы. Но можно было получить документы на отъезд в целях дальнейшей учёбы в США или по делам бизнеса, а также для воссоединения семей. В силу того, что до принятия этих ограничений в Соединённые Штаты в основном выезжали одинокие мужчины*, получила широкое распространение так называемая женитьба по фотографии или по переписке, что вело к увеличению числа въезжающих в США японцев.

Для Японии принятие расистских законов в Соединённых Штатах было попыткой рассматривать японцев-иммигрантов в качестве людей второго сорта. Эти дискриминационные меры вызвали антиамериканские выступления в Японии. Ведь в первую очередь наносился ущерб великодержавному самосознанию японцев: сегрегация низводила их страну на уровень колонии. При этом японцы не задумывались над тем, что в их стране иностранцы также не имели права владеть землёй, китайские иммигранты изгонялись из страны, а получение японского гражданства было возможно лишь для тех, «кто вступал в брак с лицом японской национальности».

В начале 1920-х годов принятие иммиграционных законов в США вышло на федеральный уровень. В мае 1921 г. Конгресс принял закон «О чрезвычайных квотах», ограничивавший приезд в США иностранцев тремя процентами от числа американцев той или иной национальности, проживающих в США с 1910 г. Эта мера привела к сокращению числа новых иммигрантов с 805 до 320 тыс. за период 1920–1921 гг. [16, р. 7]. Вводимые квоты были направлены в первую очередь на то, чтобы ограничить въезд переселенцев из Восточной Европы. Квота для переселенцев из Японии по американскому закону 1921 г. составляла 1500 человек в год.

В мае 1924 г. по инициативе конгрессмена Альберта Джонсона и сенатора Дэвида Рида подавляющим большинством голосов обеих палат Конгресса был принят закон Джонсона – Рида «Об иммиграции». Составной частью в него

* В 1900 г. число японок в Калифорнии составляло лишь 5,4% от числа японцев-мужчин, проживавших в штате [6, р. 127].

входил закон «О высылке азиатов» (*Asian Exclusion Act*), ограничивающий число лиц, нежелательных для натурализации*. Этот закон имел очевидную антияпонскую направленность, поскольку содержал фразу об отказе в предоставлении американского гражданства «нежелательным иностранцам», что текстуально повторяло принятые ранее калифорнийские законы, направленные исключительно против японцев. Как говорил Джонсон, «настойчивости американцев сохранять свои заветные устои угрожают потоки иностранной крови» [15, р. 144]. По новому закону въезд в США переселенцев из отдельно взятой страны ограничивался уже двумя процентами от числа лиц той или иной национальности, проживавших на территории США в 1890 г. Теперь квота для японских переселенцев составляла около 100 человек в год, а действие «джентльменских соглашений» фактически приостанавливалось.

Если с 1900 по 1920 г. количество японцев, эмигрировавших в США, выросло более чем в 4 раза, то в результате действия закона Джонсона–Рида в 1930 г. их число составило 138,8 тыс. (или 25% от уровня 1920 г.). Численность японцев, проживавших в США в 1930 г., сохранилась на уровне лишь 0,1% всего населения Соединённых Штатов, а их число на Западном побережье США с 1920 по 1930 г. сократилось с 1,7 до 1,5% [6, р. 115].

Перед голосованием по закону Джонсона – Рида госсекретарь в кабинетах президентов Гардинга и Кулиджа Ч. Хьюз, который только что провёл успешные переговоры с японцами в ходе Вашингтонской конференции, напрасно пытался убедить Конгресс в том, что принятие данного закона в значительной степени подорвёт эффективность вашингтонских договорённостей. По просьбе Хьюза посол Японии в Вашингтоне Ханахира Масанао 10 апреля 1924 г. обратился к Конгрессу с письмом: «Исходя из того доверия, которое вы благожелательно всегда оказываете мне, я не раз повторял вам самым дружеским образом (и я уверен, что вы тоже это понимаете) – введение мер, вытекающих из данного закона, неизбежно приведёт к серьёзным последствиям для наших замечательных и взаимовыгодных отношений» [8, 1924, с. 373].

В ответ на это послание 15 апреля 1924 г. сенатор от Массачусетса Генри Кэбот Лодж заявил: «К сожалению, подобное письмо посла Японии... не должно посылаться представителем одной великой страны в адрес другой дружественной страны. В нём, к моему глубокому сожалению, содержится скрытая угроза. Теперь, мистер Президент, Соединённые Штаты должны принимать законы под давлением скрытых угроз. То, что происходит сейчас, создаёт международный прецедент, и я думаю, нам и всему миру следует понимать, что только сами Соединённые Штаты должны решать, кто может приезжать в США, формируя часть нашего населения. Решения, которые наша страна принимает в сфере иммиграции, не наносят никому оскорблений и не служат поводом ни для войны, ни для военных угроз. Они – наше безусловное суверенное право и ничего другого» [8, 1924, р. 376].

Конечно же, закон был принят подавляющим большинством обеих палат Конгресса и вызвал серьёзное обострение отношений между США и Японией.

* Юридически этот закон был отменён лишь в октябре 1965 года.

У общественности решение Конгресса вызвало разочарование, особенно у той её части, которая хорошо осознавала значение этого события для двусторонних отношений. Понимая, что принятие закона Джонсона – Рида ухудшит политические и экономические отношения между США и Японией, президент Кулидж безуспешно пытался отсрочить вступление этого акта в силу на два года. Подписывая 26 мая 1924 г. сам документ, он признал его антияпонскую направленность и выразил сожаление о невозможности исключить из закона положения о запрещении въезда и высылке, что прямо затрагивало японцев. «С удовлетворением я признаю, что действие этого закона ни в коей мере не меняет наше чувство восхищения народом Японии и сердечной дружбой с ним, чувство, которое было и продолжает находить широкое распространение в нашей стране», – заявил Кулидж [22, р. 91].

Против обострения отношений с Японией выступали промышленные и банковские круги, которые считали, что как с политической, так и с экономической точек зрения хорошие отношения с Токио необходимы Соединённым Штатам. В одном из писем Ч. Хьюз писал: «Я ужасно расстроен, Япония не может никому угрожать в силу своей зависимости от Америки и других стран. Сенат в течение нескольких минут уничтожил плоды многолетней работы и нанёс непоправимый вред» [15, р. 145].

По Японии прокатилась волна протестов против политики США и их призывов к бойкоту японских товаров. Принятие закона Конгрессом США нанесло удар по позициям вступившего в должность в июле 1924 г. нового министра иностранных дел Сидехары Кудзиро, который выступал за согласование позиций Токио и Вашингтона в деле обеспечения безопасности на основе системы международных соглашений. Антиамериканизм способствовал политическому изоляционизму, росту милитаризма и твёрдому убеждению в том, что политика Японии должна концентрироваться в первую очередь на проблемах Азии в целом и Китая в частности. Практическим воплощением паназиатского курса этой политики стало расширение японской экспансии в Китае и крах американской политики «открытых дверей».

Список литературы

1. История дипломатии / Под ред. В.П. Потёмкина. В 3-х т. М. – Л.: Госполитиздат, ОГИЗ, 1941–1945. Т. 3. 883 с.
2. История США. Хрестоматия / Составитель Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. 400 с.
3. Москва – Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1941. / Под ред. Г. Севастьянова. М.: Наука, 2009. Т. 1. 765 с.
4. *Фишер Л.* Жизнь Ленина. М.: Книжная лавка – РТР, 1997. 978 с.
5. *Buckley Th.* The United States and the Washington Conference, 1921-1922. Knoxville: University of Tennessee Press, 1970. 222 p.
6. *Daniels R.* Asian America: Chinese and Japanese in the United States since 1850. Seattle & London: University of Washington Press, 1988. 384 p.
7. *Daniels R.* Coming to America: A History of Immigration and Ethnicity in American Life. New York: HarperCollins, 1990.

8. Documents Related to Foreign Relations of the United States (FRUS). Washington.
9. *Gardner L., LaFeber W., McCormic Th.* The Creation of the American Empire. Chicago: Rand McNally, 1976. 540 p.
10. *Graves W.* America's Siberian Adventure 1918-1920. New York: J. Cape & H. Smith, 1941. 363 p.
11. *Kawamura Noriko.* Turbulence in the Pacific: Japanese – U.S. Relations During World War I. Westport (Conn.) London, 2000. 175 p.
12. *Kennan G.* Soviet-American Relations, 1917-1920: The Decision to Intervene. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1956. 540 p.
13. *LaFeber W.* The Clash. U.S.-Japanese Relations Throughout History. New York: W.W. Norton & Company, 1997. 508 p.
14. Link Arthur (*ed.*). Woodrow Wilson: Revolution, War, and Peace. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. 241 p.
15. *Morley J.* The Japanese Thrust into Siberia 1918. New York: Columbia University Press, 1957. 395 p.
16. *Murray R.* The 103rd Ballot: Democrats and the Disaster in Madison Square Garden. New York: Harper and Row, 1976. 336 p.
17. *Nish I.* Alliance in Decline, A Study in Anglo-Japanese Relations 1908-1928. London: Athlone Press, 1972. 424 p.
18. *Ohkawa Kazushi.* The Growth Rate of the Japanese Economy since 1878. Tokyo: Kinokunia Bookstore Co., Ltd., 1957. 250 p.
19. *Royama Masamichi.* The History of the Japanese Foreign Policy, 1914-1939. Tokyo, 1941. 341 p.
20. The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by Link Artur. Princeton: Princeton University Press, 1966-1994. Vol. 1-69.
21. The State of the Union Messages of the Presidents, 1790-1966 / Ed. by Israel Fred. London, New York: Chelsea House, 1966. 3264 p.
22. *Treat P.* Japan and the United States, 1853-1921. Palo Alto (CA): Stanford University Press, 1928. 291 p.
23. *Van Alstyne.* The United States and East Asia. New York: W.W. Norton & Company Inc, 1973. 180 p.